

Маме

Не грань науки, но карандаши
он грыз, не зная, сколько их осталось,
зубов молочных
в полости души,
когда во рту последние шатались...

И рукава, испачканные мелом, —
небрежности,
не физики закон.
— Кто этот мальчик в неудобном теле?
— Не знаю, я с ним не знаком.

* * *

*Я пришел к тебе с приветом,
рассказать, что солнце...*

А. Фет

Вырви небо из зрачка,
все останется, как было:
степь, усталость, облака,
взрывы массового мыла.

Воздух-воздух пузыри,
наглость жизни перед смертью:
выживай или умри
за попытку править степью.

Мы не птицы, мы — глаза,
разве крылья значит править?
В рабстве нежности и зла —
наблюдать — одно из правил.

Как рассчитывать на сны,
чтобы жить, нет, научиться
ремонтировать часы,
что смогли остановиться.

Жар испытывая, рыть,
рыть окопами колодцы.
Это все, что значит — *жить*.
Это все, что значит — *солнце*.

* * *

На станции выпуклых слез
молчали глухие вагоны —
ни снега, ни снежных стрекоз
не встретить до нового года.

До праздников несколько дней
шел дождик, как почерком нервным
в тетради коллекционера —
коллекционера дождей.

Так лужи валялись, пока
холодные линии света
расчесывали облака,
деревья расчесывал ветер.

По кроны стеклянных домов
скрывалось густое объятие,
как вечные птичьи занятия
в бессмысленном поиске слов.

За поводами опоздать
часы уставали кружиться,
как северные поезда
от севера к южным границам.

Усталость в разгар торжества —
привычка, ни меньше, ни больше...
Толпа расходилась по швам,
и на обнаженную площадь

скулить выходили собаки
на желтые косточки звезд,
а кто-то все плакал и плакал
на станции выпуклых слез...

* * *

Как иглой татуировщик
вводит краску не спеша
в кожу, в воздухе на ощупь
тело новое — душа

ищет. Значит кто-то вышел
покурить на облака,
как вода в тупую крышку
легким криком кипятка.

* * *

Ты трогала песочные часы, стеклянной бесконечности фигуру,
и хрупкими предметами стена испытывалась камерой-обскура.

Ты сравнивала камни или мир камней цветных со свойствами металлов,
как юный кропотливый ювелир рассматривает ребра у кристаллов.

Минувшего ты пробовала вкус, секунду каждую перебирала,
и, что вернешься, тихо, как француз времен Наполеона, повторяла...

И возвращалась к южным городам, как элементы ловли сновидений
застывшим лицам, птицам и местам, где верили ловцам и привидениям.

* * *

Мы меняем души, не тела...

Н. Гумилев

Еще не дождь — предчувствие дождя,
до поцелуя долгие прогулки
от шумных улиц
к тихим переулкам
и снова к шуму, к площади вождя.

И ждать твое присутствие не странно,
еще не хочется так сильно жить —
смотреть на время,
как оно дрожит
магнитной тягой стрелки Адрианова.

Еще не звук, не музыка, всего лишь
односторонних знаков разговор,
и я еще —
не настоящий вор
твоих занятий — в жизни не догонишь...

Но грянет дождь индийскими слонами,
и будет топот облаком сплошным,
и тень от облака
нас завершит,
как губы завершаются словами.